

Евгений Блинов

Пером и штыком

Введение в революционную политику языка

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

Политическая теория

Евгений Блинов

**Пером и штыком: введение в
революционную политику языка**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2022

УДК 81`272
ББК 81в

Блинов Е.

Пером и штыком: введение в революционную политику
языка / Е. Блинов — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»,
2022 — (Политическая теория)

ISBN 978-5-7598-2410-7

Монография представляет собой новаторскую работу в области политической философии языка. Артикулируя неоднозначную связь между языком и политикой, автор обращается к историческому материалу. Сравнительный анализ языковых политик трех революций — французской, русской и снова французской (события мая 1968 г.) — переплетается с изложением ключевых философских концепций XX века, в частности близкой автору концепции мажоритарных и миноритарных языков Ж. Делеза и Ф. Гваттари, которая используется для анализа языкового строительства в переломные моменты истории. Рассматриваемые в работе феномены представлены с самых разных сторон — в политических, эстетических, языковых и культурных аспектах. При этом сама постановка вопроса оригинальна и нова: язык, власть, народ, национальный вопрос рассматриваются здесь с позиций современной философской теории. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 81`272

ББК 81в

ISBN 978-5-7598-2410-7

© Блинов Е., 2022
© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2022

Содержание

Благодарность	6
Пролог	7
Часть I	14
Глава 1	15
Косность масс и невозможность революции в языке	15
Язык и территория: вопрос метода	17
Глава 2	22
На родном французском и никак иначе	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Е. Н. Блинов
Пером и штыком
Введение в революционную политику языка

Проект серийных монографий по социально-экономическим и гуманитарным наукам

Руководитель проекта Александр Павлов

Рецензенты: д. филос.н. Оксана Тимофеева, д. филос.н. Игорь Чубаров

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики

<http://id.hse.ru>

© Блинов Е. Н., 2022

* * *

Благодарность

Я хотел бы выразить признательность Жан-Кристофу Годдару и Гийому Сибертену-Блану – научным руководителям моей диссертации «Politique et la micropolitique de la langue» («Политика и микрополитика языка»), защищенной в Университете Тулуза 2 Жан Жорес в сентябре 2014 года, текст которой послужил отправной точкой этой книги. Также хотел бы поблагодарить Оксану Тимофееву, Игоря Чубарова и Олега Берназа, взявших на себя труд по чтению рукописи и давших автору ценные советы, и Александра Павлова за возможность выхода книги в серии «Политическая теория».

Также благодарю издателей, позволивших частично воспроизвести опубликованные материалы в этой книге:

главного редактора журнала «Логос» Валерия Анашвили – фрагменты статьи «Речь как первое установление общества: Жан-Жак Руссо и революционная политика языка» (Логос. 2013. № 6 (96));

директора издательства «Кабинетный ученый» Федора Еремеева – фрагменты статьи (совместно с А. Дмитриевым) «Кем делается политика языка» (Формальный метод: антология русского модернизма. Т. 4: Функционализм /под ред. Сергея Ушакина. Екатеринбург: Кабинетный ученый, в печати);

директора издательства «Логос» (Белград) Владимира Меденицу – фрагменты статьи «"Разбить иллюзию единства": Лев Якубинский о национальном языке в эпоху капитализма и миссии пролетариата» (Русская культура на перекрестках истории / под ред. Валерия Гречко, Хе Хён Нам, Сусуму Нонака, Су Квани Кима. Белград: Логос, 2021);

директора издательства «Ад Маргинем» Александра Иванова – фрагменты статьи «Природа мертва, а коллектив еще нет: экспериментальная метафизика Латура между политикой и науками» (*Латур Б. Политики природы*. М.: Ад Маргинем, 2018).

Бруно Латура и Эдуарду Вивейруша де Кастру – за вдохновение. И, *last but not least*, мою жену, доктора Масуми Нагасаку, за что – не перечислить и на сотне страниц.

Пролог

*Я знаю силу слов, я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут ложжи.
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножсек.*

Владимир Маяковский,
«Я знаю силу слов...»
(неоконченное), 1928–1930 годы

В конце октября 1789 года депутатам французских Генеральных штатов поступил трактат анонимного автора под названием «О способах обращения к народу на площади»¹. В нем содержался проект, предлагавший чертежи нескольких механизмов, необходимых для донесения «голоса благонамеренного человека» (*la voix de l'homme du bien*) до собравшейся публики. Первый назывался «Слуховая труба народа» (*porte-parole du peuple*), он многократно усиливал голос оратора. Механизм представлял собой нечто наподобие огромной трубы для патефона, к чертежу прилагались подробные объяснения производимых акустических эффектов. Второй автор назвал «Народным табло» (*tableau populaire*), на нем фиксировались основные тезисы выступления в восприятии слушателей, удерживая их внимание. Для этого на огромном полотне, натянутом между двумя бобинами, как в интертитрах немого кино, появлялись надписи вроде «Подождите, он скоро раскроет вам коварный заговор аристократов». Третий, наиболее сложный в техническом исполнении, механизм назывался «Передвижное ораторское кресло», (*siège oral mobile*) он многократно усиливал эффект присутствия оратора: решетчатая балка из дерева или металла, воздвигнутая вокруг небольшой сцены, «облегчала прохождение звуковых лучей», а мобильность самой сцены позволяла публике не только слышать выступающего, но и наблюдать за ним с разных сторон.

Этот «благонамеренный человек» являлся официальным представителем, или, буквально, «носителем голоса» (*porte-parole*) народа. Как заметит современный историк, неизвестный автор выстраивал воображаемую мизансцену «народного суверенитета»². *Populus sive Deus ex machina*... В нашем революционном ораторе легко угадывается описанный великим гражданином Женева – Жан-Жаком Руссо – идеальный законодатель, транслирующий волю неотчуждаемого народного суверенитета. Акустическая проблема была предусмотрена Руссо задолго до взятия Бастилии и Клятвы в зале для игры в мяч. Если Аристотель в качестве критерия оптимального размера государства называл его «хорошую обозримость» (*εὐσύνοπτος*)³, Руссо добавляет к этому необходимость хорошей акустики. Речи оратора должны быть не только слышны, но и понятны всем присутствующим. Однако французский, немецкий и английский, утверждал Руссо, являются скудными и бедными на эмоции северными языками, на которых говорят люди, «помогающие друг другу и холодно беседующие меж собой». Даже после «сто-кратного смещения и перестройки» они сохраняют в себе черты своего происхождения:

Есть языки, благоприятные для свободы: это языки звучные, размеренные, гармонические, тут речь отчетливо слышна издалека. Наши языки созданы для бормотанья в государственных советах на манер речей в турецких диванах. Наши проповедники в храмах выбиваются из сил, и

¹ *Guilhaumou J.* La langue française et la révolution. Paris: Klincksieck, 1989. P. 151–155.

² *Guilhaumou J.* La langue française et la révolution... P. 152.

³ *Аристотель.* Polit. 1326b. О «евсиноптизме» Аристотеля см.: *Jannsens D.* Easily, At a Glance: Aristotle's Political Optics // *The Review of Politics.* 2010. Vol. 72. No. 3. P. 385–408.

никто не понимает, что они говорят... У древних на общественных площадях ораторы произносили речи легко, там говорили день напролет без особого напряжения. Полководцы обращались к своим отрядам; речи эти были понятны, и полководцы не утомлялись. Когда новейшие историки вставляют речи в свое повествование, это вызывает смех. Представьте себе француза произносящего речь на Вандомской площади; пусть кричит из всей мочи – будет слышен крик, но не поймешь ни слова. Геродот при громе аплодисментов читал свою историю народам Греции, собравшимся под открытым небом... Итак, я утверждаю, что всякий язык, который непонятен собранию народа, есть язык рабов. Народ, говорящий на этом языке, не может быть свободным⁴.

С чем связана столь незавидная участь этого совершеннейшего, как считали его современники, языка Европы?

Двумя главными факторами, препятствовавшими его превращению в «язык свободы», были климат и политический строй. Языки, утверждает Руссо, «развиваются естественным путем», связаны с потребностями человека и преобразуются вместе с ними: «В древние времена, когда действовали убеждением, а не общественным насилием, красноречие было необходимо. Но какая польза от него теперь, когда убеждение заменено общественным насилием?»⁵. В 1789 году от Р.Х., или Третьем году до Новой революционной эры, машина «общественного насилия» дала сбой и красноречие стало необходимо вновь, а «друзья свободы» и патриотические ораторы оказались в положении полководцев древности. Они столкнулись с проблемой, которую Руссо, ностальгирующий по древним городам-республикам, не предусмотрел в своем проекте прямой демократии.

Что за язык понятен «собранию народа»? Даже стократно усиленный голос революционного оратора не дойдет до тех, кто не понимает языка Республики. Именно такое открытие сделали «друзья свободы», столкнувшись с мятежами в провинциях. Анри Грегуар, депутат от духовенства и один из главных апологетов республиканской унификации языка, в своем знаменитом раппорте Национальному конвенту от 16 прериала Второго года Республики отмечает, что в 28-миллионной стране «не менее шести миллионов французов, особенно в деревнях, совершенно не знают национального языка, а сопоставимое с ними число граждан едва способны поддерживать разговор». Число тех, кто свободно говорит по-французски, не превышает трех миллионов, а тех, кто способен грамотно на нем писать, – еще меньше. Поэтому, заключает Грегуар, «с тридцатью различными патуа⁶ мы, в том что касается языка, еще находимся в Вавилонской башне, тогда как в том, что касается свободы, мы идем в авангарде наций»⁷. Ему вторит другой яркий оратор якобинской партии – Бертран Барер де Вьёзак, за свое революционное красноречие прозванный «Анакреоном Гильотины»:

Граждане, именно так рождается Вандея; ее корни – в незнании законов; то, что ее взрастило, препятствовало проникновению революции: все эти идолы невежества, эти строптивые священники и заговорщики-аристократы, алчные лекари и слабые или же состоящие с ними в стоворе чиновники, все они открыли безобразную рану в самом сердце Франции: так уничтожим же невежество и отправим учителей французского языка в деревни!⁸

⁴ Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 1. С. 266.

⁵ Там же.

⁶ О коннотациях термина «патуа» в науке о языке XVIII века см. с. 98 наст. изд.

⁷ Грегуар А. О необходимости уничтожения патуа. См. с. 286 наст. изд.

⁸ Барер Б. Об иностранных наречиях. См. с. 274 наст. изд.

Республика, единая и неделимая, должна говорить на одном языке. Собранный народ внемлет глашатаям общей воли, синхронизируя свои мысли и действия. Об этом мечтали создатели Первой республики, создавая свой проект *идеального политического языка*. В их представлении политическое, экономическое, военное, идейное и аффективное единство Республики должно быть обеспечено распространением французского языка, доминировавшего в просвещенной Европе. Разумеется, ни республиканская форма правления, ни наличие уже сложившегося литературного языка не будут неизменными образцами для строителей наций больших и малых, буржуазных и социалистических, воображаемых и почвенно-кровавых, появлявшихся и исчезающих с карты мира на протяжении двух столетий. Но сама идея общего языка как условия возможности того, что французы называют «социальной связью» (*lien social*), станет важнейшим элементом политического проекта модерна.

Языковые войны не ушли в прошлое с действительным или мнимым ослаблением национальных государств в ХХI веке. Хотя современная Европа дает немало примеров классических языковых конфликтов (Испания, Бельгия, Украина), представления о едином языке и модели выстраивания социальных связей существенно изменились. Поиск *своего языка* и осмысление его политической роли не обязательно связаны с выбором в пользу языка унифицированного и, как принято говорить в русской традиции, литературного; этот язык распадается на множество социолектов, гендерлектов, технических жаргонов, субкультурных тезаурусов и словарей политкорректности. Работа историков, социолингвистов, этнографов, философов пост- и антиструктуралистского направления, феминисток и теоретиков постколониализма подорвала господствовавшую до 1960-х годов догму о «языке в нормальном состоянии» как образцовой семиотической системе, не зависящей от человеческой инициативы за исключением рутинной нормализации.

Появляются проекты нечеловеческих языков, которым наиболее радикальные исследователи также предлагают предать политический статус. Так, Бруно Латур всерьез выдвигает идею переосмысления республиканской политической модели как собрания людей и нечеловеческих существ в некоем подобии однопалатного парламента. Ученые выступают в качестве *porte-parole*, или официальных представителей, «нелюдей» в объединенном парламенте человеческих и нечеловеческих существ. Они получают эти полномочия, конструируя артикуляционные аппараты нечеловеческих существ, то есть наделяя их «правом голоса»: устами ученых нелюди будут выдвигать свои «требования», а люди получают представления об их «привычках». Предложенную Латуром гибридную модель можно ретроспективно спроецировать на любого «официального представителя»: он не просто «несет» голос тех, кого представляет, а всякий раз конструирует коллективного актора, который изначально представляется в виде бессловесной «народной массы» или «безмолвных вещей», которые нужно привести к покорности или же, напротив, воодушевить и придать им импульс к движению. В латурианской перспективе подобная объективирующая предпосылка будет опровергнута всякий раз, когда официальные представители проявят глухоту к «голосу народа». Мечта о его механической трансляции столкнется не только с заговорами аристократов и священников, но и с предрассудками неграмотных крестьян, что-то «невнятно бормочущих» на своих грубых наречиях. Так «официальный представитель», или «носитель голоса», становится не менее важной фигурой, чем законодатель Руссо, который пророчески вопрошал: «Есть ли у Политического органа орган для выражения его воли?»⁹.

Мечта о прямой демократии и непосредственном осуществлении суверенитета «собранным на площади народом», в которую вдохнул новую жизнь женеvский мечтатель, стала ориентиром и кошмаром, объектом критики и проклятием современных политических режимов. Она прошла через три революции и не исчезла с появлением Национального конвента Первой

⁹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.-Ж. Тракаты. М.: Наука, 1969. С. 178.

республики, Советов при революционных коммунистических режимах и децентрализованных, самоуправляемых и не признающих иерархии групп в контексте затянувшегося «Мая 68-го» во Франции, которого, возможно, не было вовсе.

Жиль Делез и Феликс Гваттари, работами которых в значительной степени вдохновлена эта книга (как в методологическом, так и в стилистическом плане), выступали с радикальной критикой репрезентативной модели в философии, политике и искусстве. Они называли «Май 68-го» «молекулярной революцией», предпосылки которой были неочевидны, а последствия мало кем поняты¹⁰. Они надеялись, что ее главным последствием станет неочевидность ответа на вопрос «Кто говорит?». Врачи потеряют исключительное право говорить за пациентов, тюремщики – за заключенных, учителя – за учеников, мужчины – за женщин¹¹. Высший, или «мажоритарный», язык (*langue majeure*) перестанет заглушать «миноритарные» (*langues mineures*), что сделает неактуальной модель сложившихся властных отношений между центром и периферией. Для этого неиерархические группы нового типа должны освоить «устройства коллективного высказывания» (*agencements collectifs d'énonciation*), которые позволят установить связь между «приказами» (*mots d'ordre*) и имплицитными социальными условиями существования языка. Предложенные неизвестным автором чертежи революционных голосовых механизмов или латуровские инструкции по сборке «артикуляционных аппаратов нечеловеческих существ» являются примерами подобных устройств.

Откуда уверенность в том, что говорящие «от имени народа» или «самих вещей» не узурпируют власть? Мы должны научиться сомневаться в своих официальных представителях – таков главный урок демократии по Латуру. Сомневаясь в представителях, мы разрушаем самоочевидную иерархию языка: пока мы верим в разделение на упорядоченный язык и сумбурную речь, мы верим в иерархическое общество. Но упорядоченность – не природное свойство языка, а следствие его политической гомогенизации. Язык не нейтрален и не «информативен»: «Единство языка является прежде всего политическим»¹². Не стоит обольщаться революционной риторикой эмансипации, предупреждают нас Делез и Гваттари: якобинская модель языковой нормализации была ничуть не менее жесткой, чем абсолютистская модель Старого режима. В любом миноритарном языке содержатся ростки фашизма. Как не дать прорасти этим драконьим зубам? Ответ Делеза и Гваттари может показаться неожиданным: «Необходимы сравнительные исследования того, каким образом осуществляются централизации и гомогенизации того или иного мажоритарного языка»¹³. Без подобных исследований невозможно само разделение на мажоритарные и миноритарные языки и понимание того, как работает предложенный Делезом и Гваттари механизм «миноризации».

В этом смысле делезо-гваттарианская миноризация мажоритарных языковых систем является проектом *идеального политического языка* эпохи «молекулярной» революции долгого «Мая 68-го». В идеологическом плане она парадоксальным образом связана, с одной стороны, с проектом прямой демократии по Руссо, с другой – с советскими экспериментами языкового строительства. В плане методологическом она суммирует накопленные к концу 1970-х годов аргументы против классического структурализма и отчасти генеративной, или «картезианской», лингвистики Ноама Хомского, которую тогда принято было противопоставлять социалингвистике Уильяма Лабова. Французская социалингвистика, как и философия языка, была политической с самого начала.

¹⁰ Deleuze G., Guattari F. Mille plateaux. Capitalisme et schizophrénie. Paris: Minuit, 1980. P. 264.

¹¹ Делез Ж. Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 116.

¹² Deleuze G., Guattari F. Mille plateaux... P. 128.

¹³ Ibid. P. 120.

Французский язык, утверждают Делез и Гваттари, является «мажоритарным языком по определению»¹⁴. Политическая история его становления – часть Большого республиканского нарратива о нормализации, который в 1960-е годы вступил в своеобразный симбиоз со структурализмом. Мажоритарный язык для Делеза и Гваттари – одновременно письменный язык «в нормальном состоянии» или *la langue* (язык) у Фердинанда де Соссюра и язык, доминирующий политически. Нападать на них означает одновременно ставить под сомнение постулаты структурализма и республиканскую историю французского языка. В этом отчасти заключается парадокс движения, которое в англоязычной литературе называют постструктурализмом или, чуть более фамильярно, *French theory* («французской теорией»); критикуя отношения власти и самоочевидность процессов языковой нормализации и связанных с ней политических структур, оно предложило их новое описание. Жиль Делез и Феликс Гваттари, Мишель Фуко, Мишель Де Серто, Жак Деррида и Пьер Бурдьё создали новую теорию власти, которая затем была частично ассимилирована в рамках идеологии неолиберализма. Впрочем, это совсем другая история.

Нас же интересует новое прочтение «централизаций и гомогенизаций» мажоритарных языков в сравнительной перспективе. С чем уместно сравнить историю гомогенизации и централизации этого мажоритарного языка *par excellence*? Здесь я не столько следую намекам Делеза и Гваттари, сколько, как выражался Виктор Шкловский, проявляю покорность «воле материала»¹⁵. История русской революции и советского языкового строительства интересна тем, что на первый взгляд они пошли совсем иным путем: вместо повсеместного насаждения единого национального языка был провозглашен антиколониальный лозунг строительства «национальных языковых культур», лежавший в основе политики коренизации. Начальный этап советского языкового строительства был направлен скорее на мажоризацию языков, которые, в представлении идеологов советской языковой политики, находились «под гнетом русификаторов».

Итак, три революции и три модели идеального политического языка. Точнее, три доминирующие модели, определившие долгосрочные тенденции и радикально изменившие соотношения сил. Идеальный в нашем случае не означает утопический: революции всегда стремятся воплотить свои программы в жизнь всеми доступными им средствами. Средства «молекулярной» революции отличаются от методов народных трибуналов прошлого, но произведенные ею изменения могут оказаться более глубокими, чем попытки реализовать самые радикальные проекты «социальной инженерии». Революция не просто изменяет политические институты, она стремится создать нового человека: в этом смысле «молекулярная» революция ничуть не менее радикальна, чем Великая французская или Великая Октябрьская социалистическая.

Идеологи революционной языковой политики полагали, что образцового гражданина необходимо создать в том числе средствами языка. Как заметил во Втором году Первой республики уже упоминавшийся аббат-якобинец Грегуар: «Новая грамматика и новый словарь обычным людям кажутся всего лишь проблемой литературы. Тот же, кто заглядывает далеко, поместит их в число своих политических принципов»¹⁶. В 1927 году Евгений Поливанов, великий русский лингвист и один из наиболее известных идеологов советского языкового строительства, констатировал, что революция является эпохой «громадных изменений и необычно ускоренного темпа эволюции»¹⁷ языков и благоприятным моментом для реформ. Мы пойдем дальше и заявим, что революционные потрясения – наиболее благоприятный момент для понимания политической роли языка в его динамическом и статическом аспектах. Под динамиче-

¹⁴ Ibid. P. 128.

¹⁵ Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие. М.: Новости, 1990. С. 279.

¹⁶ Грегуар А. О необходимости уничтожения патуа. См. с. 306 наст. изд.

¹⁷ Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 127.

ским аспектом я понимаю социальную мобилизацию, под статическим – создание новых политических институтов, к которому неизбежно приходит любая революция.

Революция по определению является моментом, когда на какое-то время перестает действовать то, что философы Просвещения называли «машиной общественного насилия». Возвращаясь к процитированному выше пассажи Руссо, новая власть на самом раннем этапе вынуждена действовать при помощи убеждения. В знаменитой ленинской формуле «верхи не могут, низы не хотят» всегда есть момент перформативной неопределенности: приказы на старом «легитимном языке» больше не исполняются, а новый только предстоит создать. Революция, напоминая Грегуар, должна сформировать свой собственный словарь, переосмыслив старые понятия и введя новые. Она должна провести переописание уже сложившихся политических понятий и при этом всегда вынуждена создавать свои собственные. Это момент, когда знакомые всем слова отрываются от «вещей», теряя привычный смысл и обретая новый. Революция способствует ускорению не только политических, но и языковых процессов: лозунги и формулировки, актуальные еще вчера, стремительно устаревают и теряют свой мобилизационный потенциал. Делез и Гваттари покажут это на примере ленинского рассуждения о лозунгах.

Делегитимация старого дискурса власти приводит и к другому открытию: помимо языка власти и старых привилегированных классов существует язык тех, кто был лишен права голоса, или «язык народа», и, что может быть куда опасней, у части этого народа есть общий язык с соседними, зачастую враждебными государствами. Революция – это открытие множественности языков в смысле вертикальном (артикуляция социолектов) и горизонтальном (языки провинций и соседних наций). Это осознание того, что граждане новой республики имеют аффективные привязанности, связанные со «своим языком». Эти аффекты необходимо перформативировать и спроецировать на новый политический строй, чтобы «сердца бились в унисон» с единым языком – не важно, в рамках единой и неделимой республики или местного Совета. Сам стандарт национального языка при этом неизбежно меняется: как заметит Евгений Поливанов, изменяется «социальный субстрат языка», то есть социальный состав правящего класса.

Революция всегда проводит языковые реформы волюнтаристским путем, не считаясь с возражениями и не всегда учитывая доступность имеющихся в наличии технических средств. Именно поэтому многие революционные проекты превращаются в памятники утопической мысли или реализуются спустя десятилетия. Но при этом революционный утопизм, сталкиваясь с необходимостью реформирования политических институтов, открывает новые социальные функции языка: административно-бюрократические, военно-мобилизационные, экономические и т. д. Революция создает новую типологию языковой веикулярности¹⁸, переосмысляя ее политический функционал.

Наконец, революция не только отрекается от старого мира, но и осуществляет ряд апроприаций, порой самых неожиданных. В своей знаменитой работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Карл Маркс отметил трагический и до известной степени карнавальный аспект любой революции, когда нация, подобно «рехнувшемуся англичанину в Бедламе», переносится во времена фараонов, древних греков или римлян. Повторение истории всегда имеет оттенок фарса, и люди «как раз в такие эпохи революционных кризисов... боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории»¹⁹. Революции «переодеваются» в костюмы предыдущих эпох: русская революция носила французские парики, кюлоты, а «Май

¹⁸ По не вполне понятным причинам этот стандартный термин западной социолингвистики (*vehicular/véhiculaire*) крайне редко употребляется в отечественной литературе.

¹⁹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 8. С. 119.

68-го» притворялся то Парижской коммуной, то Советами, то маоистским кружком. Отсюда постоянные попытки перевода с одного революционного языка на другой и пересечения проектов идеального политического языка от Прериала до «Мая» транзитом через Октябрь.

Все эти моменты делают проекты революционной эпохи, как любят выражаться французские теоретики, привилегированным примером языковой политики. Данная книга – не попытка написать историю языковых политик или тем более сравнительную историю революций. И не упражнение в революционной *хонтологии* в стиле Жака Деррида, а еще в меньшей степени – каталог миноритарных языков или анализ новых языковых этик, этосов и габитусов. Она также не претендует на систематический анализ критики структурализма. Скорее она задумана как своего рода пролегомены к новой политической философии языка, важным моментом которой является свержение с трона структурной лингвистики как «королевской науки» в послевоенной Франции. Это не книга по лингвистике или литературной истории и не манифест в защиту «чистой науки» от идеологии. Мы больше не можем верить в невинность научных теорий и нейтральность языка и, уж конечно, в лингвистические теории, которые, как заметил Клод Ажеж, «редко бывают невинными»²⁰. Чтобы не затягивать чересчур апофатическую часть предисловия, скажем, что это не исследование того, как политики пытаются влиять на язык, а скорее попытка размышления над способами, как можно при помощи языка осуществлять политику, на примере нескольких проектов *идеальных политических языков*. Языковая политика – слишком серьезное дело, чтобы доверять его языковедам. Один современный французский историк, резюмируя дискуссию о необходимости изучения латыни во французских лицеях, с удивлением отмечал, что, по мнению ее апологетов, «в латыни интересно все, кроме нее самой»²¹. Едва ли мы сможем найти лучшую формулу для нашего проекта: мы постараемся понять, что важно в идеальном политическом языке, *кроме самого языка*.

²⁰ Hagège C. *Homme de paroles*. Paris: Fayard, 2002. P. 218.

²¹ Waquet F. *Le latin ou l'empire d'un signe*. Paris: Albin Michel, 1998. P. 220.

Часть I

Язык республики должен быть един

*В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы с уважением
ощупывайте их,
как старое,
но грозное оружие.*
**Владимир Маяковский, «Во весь голос»,
1929–1930 годы**

Глава 1

Как возможна революция в языке?

Косность масс и невозможность революции в языке

В своем фундаментальном «Курсе общей лингвистики», ставшем во второй половине XX века Вульгатой структурализма, Фердинанд де Соссюр категорически утверждал, что «произвольность знака защищает язык от всякой попытки сознательно изменить его»²². Так основной постулат классического структурализма о произвольности знака превращался в доказательство невозможности политики языка, если под ней не подразумевалась систематическая нормализация или замена системы письма. Он будет активно оспариваться главными персонажами этой книги: советскими «строителями языка» и французскими языковыми «деконструкторами», преодолевшими влияние структурализма.

Помимо произвольности, Соссюр указывал на множественность знаков, необходимых в языке. Число языковых знаков бесконечно, их нельзя изменить как систему, в отличие от алфавита, состоящего из ограниченного числа знаков. Третий аргумент Соссюра состоял в сложности системы: носители языка этой сложности не осознают и, как правило, не рефлексировать над закономерностями речевой деятельности. Попытки же «специалистов, грамматистов, логиков» существенным образом повлиять на язык, с его точки зрения, до сих пор были безуспешны. Из этого он делает свой знаменитый вывод о том, что язык является каждодневным «делом всех и каждого», а поэтому принципиально отличается от всех прочих «общественных установлений». Или же учреждений, институтов, институций: перевод на русский французского термина *institution* имеет долгую традицию. Предложенным инновациям, резюмирует Соссюр, сопротивляется не что иное, как «коллективная косность» (*inertie collective*):

Предписания закона, обряды религии, морские сигналы и пр. затрагивают одновременно лишь ограниченное количество лиц и на ограниченный срок; напротив, языком каждый пользуется ежеминутно, почему язык и испытывает постоянное влияние всех. Это фундаментальный фактор, и его одного достаточно, чтобы показать невозможность революции в языке. Из всех общественных установлений язык предоставляет меньше всего возможностей для проявления инициативы. Он составляет неотъемлемую часть жизни общества, которое, будучи по природе инертным, выступает прежде всего как консервативный фактор. Однако еще недостаточно сказать, что язык есть продукт социальных сил, чтобы стало очевидно, что он несвободен; помня, что язык всегда унаследован от предшествующей эпохи, мы должны добавить, что те социальные силы, продуктом которых он является, действуют в зависимости от времени.

Язык устойчив не только потому, что он привязан к косной массе коллектива, но и вследствие того, что он существует во времени. Эти два факта неотделимы. Связь с прошлым ежеминутно препятствует свободе выбора²³.

Произвольность знака и существующая в конкретном коллективе традиция связывать «звуковое изображение» с «идеями» взаимно обуславливают друг друга и делают осознанное

²² Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского ун-та, 1999. С. 74.

²³ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики... С. 75.

влияние на язык невозможным. Поэтому «единственный реальный объект лингвистики – это нормальная и регулярная жизнь уже сложившегося языка»²⁴.

«Коллективная косность», «традиция», «связь с прошлым», отсутствие «свободы выбора» – что за старорежимные слова! Разве не об их погружении в Лету мечтал поэт, отсылая потомков к «поплавкам словарей»? Лев Якубинский, один из основателей ОПОЯЗа²⁵, в конце 1920-х – начале 1930-х годов игравший важную роль в организации советской лингвистики, в своей программной статье разоблачал «реакционную сущность» теорий Соссюра:

Учение де Соссюра отражает идеологию наиболее реакционной части буржуазии конца XIX и начала XX вв., буржуазии, отчаявшейся доказать «недостигаемость» для массы самых различных «унаследованных» социальных установлений. Соссюр пытается доказать «недостигаемость» для массы хотя бы языка, доказать «невозможность» политики хотя бы языковой, доказать невозможность революции хотя бы в языке. Учение Соссюра является методологически неприемлемым и политически реакционным²⁶.

К критике Якубинского мы еще вернемся, пока же отметим связь между методом и характером политических выводов. Якубинский, впрочем, несколько недооценивал глубину традиции: представление о невозможности произвольных языковых изменений не ограничивалось современной Соссюру буржуазией. Дион Кассий в «Римской Истории» приводит ставший знаменитым исторический анекдот об императоре Тиберии, который употребил в своем эдикте отсутствующее в латыни слово и созвал консилиум грамматиков. Один из них якобы заметил: «Цезарь, ты можешь давать римское гражданство людям, но не словам»²⁷. Похожее замечание много веков спустя было сделано императору Сигизмунду I, употреблявшему слово «схизма» в женском роде. На что Сигизмунд ответил знаменитой фразой *Ego sum rex Romanus et supra grammaticam* («Я – император Рима и выше грамматиков»)²⁸. Этот случай, впрочем, приводится в качестве примера ограниченности политической власти над языком: латинское *Schisma* (-atis, n) до сих пор употребляется в среднем роде. Анри Грегуар в своей апологии революционной языковой политики, вспоминая первый случай, заметит: «Римский тиран хотел ввести новое слово, но потерпел неудачу, потому что языковое законодательство всегда было демократическим. Именно эта истина будет залогом вашего успеха»²⁹. Если язык, что признавал Соссюр, является *общественным установлением*, основанным на определенных конвенциях, то почему их нельзя изменить, достигнув консенсуса? В таком случае это не вопрос признания народа сувереном, а проблема объяснения «массам» законов функционирования языка и преодоления их «косности», на что делает ставку любая революция.

Но революция не просто стремится изменить язык. Она рассматривает подобные изменения не как цель, а как средство преобразования общества. Младший современник Соссюра Лев Шестов, наблюдавший события Гражданской войны из эмиграции, в 1920 году поражался идеалистической, как ему казалось, верой большевиков в силу слова:

²⁴ Там же. С. 73.

²⁵ ОПОЯЗ – Общество изучения поэтического языка или общество изучения теории поэтического языка – полуформальный кружок, созданный группой теоретиков, историков литературы, лингвистов и др., представлявших «формальную школу». Существовало в 1916–1925 годах.

²⁶ Якубинский Л. П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Ivanova I. Lev Jakubinskij, une linguistique de la parole. Limoges: Lambert Lukas, 2012. P. 210.

²⁷ Cassius Dio. Hist. Rom, 57, 17. По версии Локка, Август «признавал свое бессилие образовать новое слово». Локк Д. Опыт о человеческом разумении. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 465.

²⁸ Цит. по: Edwards J. Sociolinguistics: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 20.

²⁹ Грегуар А. О необходимости уничтожения патуа. См. с. 308 наст. изд.

Россия спасет Европу – в этом убеждены все «идейные» защитники большевизма. И спасет именно потому, что в противоположность Европе она верит в магическое действие слова. Как это ни странно, но большевики, фанатически исповедующие материализм, на самом деле являются самыми наивными идеалистами. Для них реальные условия человеческой жизни не существуют. Они убеждены, что «слово» имеет сверхъестественную силу. По слову все делается – нужно только безбоязненно и смело верить слову³⁰.

Шестов, не принимавший волюнтаристскую политику большевиков, был не самой подходящей фигурой, чтобы оценить «музыку русской революции». Однако он, как заметил Делез, умел ставить «нужные вопросы»³¹. Советские лингвисты и теоретики литературы потратят немало сил на создание материалистического и, по возможности, марксистского учения о языке и его воздействии на общество. Возражение Шестова об игнорировании большевиками «реальных условий человеческой жизни» можно адресовать и якобинским ораторам. Вера в «магическое действие слова» – движущая сила всякой революции.

Приведенные цитаты фиксируют две невозможности: изменить язык при помощи «сознательной инициативы» и изменить общество при помощи языка. Они могут вполне в духе аргументации Соссюра взаимно обуславливать друг друга (как полагал Якубинский), а могут, как заметит позднее реформатор структурализма Эмиль Бенвенист, находиться в отношении асимметрии. Есть определенная ирония в том, что они прозвучали накануне самых радикальных изменений в обществе и если не в самом «языке», то в подходах к языковой политике. Как бы в подтверждение слов Маркса о боязливой оглядке на прошлое в канун премьеры новой драмы мировой истории.

Язык и территория: вопрос метода

Жиль Делез и Феликс Гваттари, подобно поэту, верили в силу слов. В 3-й главе, или, как они выражались, 3-м плато 2-го тома «Тысячи плато» их интересует роль языка в соотношении политических сил. Язык – не вещь, не образцовая структура, не жизнь и не природа: «Язык (*le langage*) – это не жизнь, он отдает ей приказы; жизнь не говорит, она слушает и ожидает»³². 3-е плато, озаглавленное «Постулаты лингвистики», – своеобразная антология аргументов против структуралистских представлений о задачах лингвистики как науки, изучающей «нормальную и регулярную жизнь уже сложившегося языка». Мы разберем их более подробно в части III, пока же нам требуется некий приемлемый методологический ориентир для изучения «гомогенизации и централизации мажоритарных языков», о необходимости которого говорили Делез и Гваттари.

Основная задача «Постулатов лингвистики» – продемонстрировать «нормализующие эффекты» языка, установив связь между лингвистической нормализацией и социальными нормами. Ограничивая себя «нормальной жизнью» уже сложившегося языка, лингвистика исключает эту связь аксиоматически, выдвигая позитивистское требование «строгой науки». Но при этом Соссюр и большинство его последователей считали необходимым изучать язык в социальных условиях, то есть сравнивая его с другими системами знаков. Для Делеза и Гваттари «лингвистика ничего из себя не представляет вне прагматики (семиотической или политиче-

³⁰ Шестов Л. И. Что такое русский большевизм? // История философии. 2001. № 8. С. 99.

³¹ «Он – несвоевременный, ни временной, ни вечный. О, Шестов! и вопросы, которые он умеет ставить, злая воля, которую он умеет проявить, неспособность мыслить, которой он наделяет мышление, двойное измерение, которое он развивает в этих требовательных вопросах, касающихся одновременно самого радикального начала и самого упрямого повторения». Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. С. 165.

³² Deleuze G., Guattari F. Mille plateaux... P. 96.

ской), определяющей условия языка и использования его элементов»³³. Этот подход можно обозначить как функционалистский, но делезо-гваттарианский функционализм относится к особому типу, который я обозначу как «социофункционалистский»³⁴. Язык отдает жизни приказы, что может быть как доказательством «косности масс», так и средством ее преодоления. В основе делезо-гваттарианского прагматического подхода к языку – анализ статуса «приказов» (*mots d'ordre*), которые они рассматривают ни много ни мало в качестве его «элементарной единицы»: «Функция языка – распространение (*extension*) приказов»³⁵. Приказы не ограничиваются императивами: прагматический анализ высказываний, подразумевающий их эксплицитный и имплицитный социальный контекст, позволяет выделить перформативный аспект в любом «нейтральном» по форме предложении.

Приказы не только содержатся во вполне нейтральных высказываниях, они образуют нечто наподобие соссюрских «сложных систем», которые Делез и Гваттари называют «режимами знаков». Видимое, но почти всегда иллюзорное единство и упорядоченность подобных систем является следствием процесса «гомогенизации и централизации», ведь язык, повторяют Делез и Гваттари, уже «является предметом политики до того, как стать предметом лингвистики»³⁶. Мажоритарный язык, «нормальную жизнь» которого предлагается изучать в рамках лингвистики-как-строгой-науки, уже прошел процесс двойной нормализации, при этом первичной является именно нормализация политическая. Или, выражаясь языком структуралистов, в рамках подобного прагматизма между общественными институтами и языковой нормализацией существует определенная симметрия.

Делез и Гваттари, в отличие от Деррида в «Грамматологии» или Лиотара в «Дискурсе, фигуре», не предлагают оригинальную критику соссюрской теории знаков³⁷. В «Тысяче плато» они обращаются скорее к реформированному структурализму Бенвениста, систематически развивавшего идеи Соссюра об асимметрии языка и прочих социальных институтов. Особенно важны в этом отношении тексты, вошедшие во 2-й том «Статей по общей лингвистике». Бенвенист определяет отношения языка и общества как «фундаментальную асимметрию»: мы можем понять общество, изучая язык, но не язык, изучая общество. Язык – нечто вроде сверхинститута, его отношения с прочими общественными институтами «необратимы» (*irreversible*)³⁸. Бенвенист согласен с Соссюром в том, что главной проблемой семиологии является «статус языка среди прочих знаковых систем»³⁹. При этом он не принимает соссюрское определение семиотики, отделяя ее от семантики в качестве иного способа означивания. В предложенной Бенвенистом схеме «двойного означивания» семиотика занимается формальными отношениями между означаемым и означающим. Семиотику, как единство означающего и означаемого, можно только принять, а семантику, изучающую дискурс, необходимо понять. Так появляется проект исследования исторической семантики, которая делает возможным анализ структуры древних обществ даже в отсутствие большого количества письменных источников⁴⁰.

³³ Ibid. P. 109.

³⁴ О функционализме Делеза и Гваттари см. диссертацию Гийома Сибертена-Блана. *Sibertin-Blanc G. Politique et clinique. Recherche sur la philosophie pratique de Gilles Deleuze*. Lille: Thèse de doctorat, 2006.

³⁵ *Deleuze G., Guattari F. Mille plateaux...* P. 109.

³⁶ *Deleuze G., Guattari F. Mille plateaux...* P. 106.

³⁷ О лиотаровской критике семиотики Ф. де Соссюра см., напр.: *Blinov E. L'Ancien régime des signes: Deleuze et Lyotard en deçà et au-delà du structuralisme* // Enaudeau C., Fruteau de Laclos F. (eds). *Différence, différend: Deleuze et Lyotard*. Paris: Encre Marine, 2015. P. 49–67.

³⁸ *Benveniste E. Problèmes de linguistique générale*, 2. (1974). Paris: Gallimard, 1997. P. 50.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ См.: *Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов*. М.: Прогресс-Универс, 1995.

Но и в этой историзированной версии структурализма речь не идет об «осознанном воздействии» членов общества на язык. Бенвенист отходит от традиционной зеркальной схемы, предлагая изучать не просто «отражение» общественных отношений в языке, а направление различных дериваций, сравнивая корреспондирующие термины, например, в статье «Две лингвистические модели города»⁴¹. Однако подобный анализ ограничивается словарем, который он называет «лексическим инвентарем культуры», не вторгаясь в другие области. Методологически все сводится к определению, которое мы даем языку, и к тому, что именно подразумеваем под его структурой. В рамках обновленного структурализма язык остается «тем же самым» во время «самых глубоких социальных потрясений», доказательством чего может служить русский язык: «Начиная с 1917 года структура русского общества претерпела радикальные изменения, и это самое мягкое определение, что мы можем дать, однако со структурой русского языка ничего подобного не произошло»⁴². С данным утверждением не согласились бы многие советские строители языка, хотя, как мы увидим, спектр точек зрения по этому вопросу в 1920–1930-е годы был очень широким.

Существует несколько способов опровергнуть данное утверждение. Во-первых, методологически оспорив узкое определение языка и задач лингвистики, как это делали такие представители социолингвистики, как Уильям Лабов или Луи-Жан Кальве⁴³. Во-вторых, не отказываясь от формальных методов, проанализировать изменения в области фонетики, морфологии и синтаксиса в конкретном языке и в конкретный период. Клод Ажеж называл подобный подход «социооперативной лингвистикой»⁴⁴. Наконец, можно сделать акцент на прагматике, исследуя, как выражались Делез и Гваттари, «вторжение» (*intervention*) языка в область социальной нормативности⁴⁵. Анализировать отношения не между словами и вещами, а между словами и действиями. В этом проект Делеза был радикален с самого начала: уже в «Логике смысла» он предлагал отказаться от платоновской дихотомии субстанций и атрибутов в пользу стоического разделения на акторов и действия⁴⁶. Важно не то, что дерево является зеленым, а то, что оно зеленеет.

Главный аспект изучения социальных условий функционирования языка для Делеза и Гваттари – анализ статуса «приказов». Этот термин употребляется одновременно в прямом и переносном смысле, что подразумевает как исследование политических лозунгов, указов и декретов, так и закрепление за перформативным аспектом языка приоритета перед информативным вплоть до полной дисквалификации последнего. Можно говорить о своего рода гиперперформативности или асимметрии между информативной и перформативной функциями языка. У подобного анализа есть свой пространственный, или, в терминологии Делеза и Гваттари, территориальный, аспект. Никаких метафор: язык необходим для «распространения», или, буквально, для расширения (*extension*), действия приказов. Едва ли можно найти лучшую иллюстрацию для этой волюнтаристской модели, чем революционная языковая политика, важнейшими проблемами которой были понимание и качество исполнения декретов и новых законов. На ее примере проще понять функционирование знаменитой делезогваттарианской дихотомии с процессами детерриториализации/ретерриториализации и роль в этом процессе языка.

В 1-м томе «Тысячи плато» функциональным аналогом этой дихотомии был процесс кодировки/рекодировки, вполне определенно отсылавший к структуралистской семиотике. Но

⁴¹ Benveniste E. Problèmes de linguistique générale... P. 272–280.

⁴² Benveniste E. Problèmes de linguistique générale... P. 92.

⁴³ Labov W. Principles of Linguistic Change. Vol. 2: Social Factors. Malden Mass: Blackwell, 2001; Calvet L. J. Essais de linguistique, la langue est-elle une invention des linguistes? Paris: Plon, 2004.

⁴⁴ Hagège C. Language Builder. Amsterdam: John Benjamins, 1993. P. 8.

⁴⁵ Deleuze G., Guattari F. Mille plateaux... P. 110.

⁴⁶ См.: Вторая серия. Об эффектах поверхности // Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. С. 13–22.

Делеза и Гваттари интересует не просто код, а динамические процессы его изменения. Их анализ требует формулирования понятия территории как пространства, в рамках которого определенный код является действительным. Перекодировка означает, что данная территория подпадает под действие другого кода, самым элементарным примером подобного процесса является переход территории из-под власти одного государства под контроль другого. Что в большинстве случаев, хотя и не всегда, означает смену юрисдикции: на новой территории вводится в действие новый кодекс (с точки зрения исторической семантики слово «код» восходит к кодификации). При этом систем или кодировок множество: переход области к другому государству не означает автоматической смены языка, религии, экономического уклада, традиций, привычек населения и т. д. Детерриториализация и ретерриториализация означают процесс смены кода на *определенной территории*. Что принципиально важно, поскольку процесс имеет интенциональный характер: детерриториализация обозначает процесс перехода от одной семиотической системы (*deterritorialiser de*) к другой (*reterritorialiser sur*). Эту точку притяжения Делез и Гваттари называют *центром власти* или *очагом власти*⁴⁷. Центр. власти можно трактовать по-разному: это может быть политический центр в привычном смысле слова, общественный институт или абстрактное коллективное тело, наподобие «французской нации». Для Делеза и Гваттари важно, что в центре власти объединяются «молярные», или «жесткие», сегменты социальной организации и «молекулярные», или «рыхлые» (*molles*), сегменты. Разделение на «молярный» и «молекулярный» уровень соответствует разделению коллективных и индивидуальных «репрезентаций» и «желаний» и «убеждений» (*croiances*), в рамках которого разделение на коллективное и индивидуальное уже не релевантно⁴⁸.

При этом де- и ретерриториализация по возможности проводится сразу во всех «измерениях» и затрагивает как институты, так и коллективное воображаемое. Проводя административную реформу, французское революционное правительство планировало детерриториализацию по отношению к старым административным центрам провинций и ретерриториализацию на Париж как центр Республики, детерриториализацию от церкви и ретерриториализацию на гражданскую религию, детерриториализацию от «священного тела короля» и ретерриториализацию на тело нации. Соперничающие центры власти действуют в противоположном направлении, пытаясь ретерриторизировать пограничные области, вернуть французский народ в лоно католической церкви, восстановить феодальные иерархии и т. д. Как мы увидим, в представлении апологетов революционной языковой политики универсальным средством де- и ретерриториализации является единство языка. Более того, мажоритарным язык делает именно его территориальный потенциал, то есть потенциал гомогенизации и централизации социального пространства. Подобный подход не ограничивается периодом создания государств-наций. Если использовать расхожие публицистические клише, типичным процессом де/ретерриториализации является «цивилизационный выбор» в пользу глобального центра власти, в котором национальный язык – лишь один из факторов. Но от этого процесс гомогенизации и централизации мажоритарного языка не перестает быть привилегированным примером работы механизмов де- и ретерриториализации.

С понятием де- и ретерриториализации мы получаем искомые методологические ориентиры для анализа того, что Делез и Гваттари называли «гомогенизацией и централизацией мажоритарных языков». Делезо-гваттарианский метод анализа, как я его понимаю, подразумевает ответ на три вопроса. Во-первых, каким образом в конкретном режиме знаков распространяются приказы или на что именно направлена нормализация? Во-вторых, как этот процесс связан с динамическими центрами власти и в каком направлении осуществляются де- и ретерриториализации и как мы можем нанести их на карту? И в конечном счете сколько карт

⁴⁷ Deleuze G., Guattari F. Mille plateaux... P. 273.

⁴⁸ Ibid. P. 267.

нам понадобится и как мы сможем наложить их друг на друга? Наконец, что представляет собой конкретный центр власти? В случае языка он подразумевает ответ на вопрос «Кто говорит?» (*Qui parle?*). Точнее, кто и от чьего имени пытается говорить и можем ли мы за этим монологом расслышать разноголосицу, которая то превращается в какофонию, то сливается в стройный хор.

Глава 2

От языка короля к языку человечества

На родном французском и никак иначе

Революционные строители нации, несмотря на весь пафос обновления и разрыва с прошлым, создавали свой проект не на пустом месте. Если верить Большому нарративу становления Республики, они продолжали дело своих политических оппонентов. Во всяком случае, на этом настаивает официальная французская историография, важной частью которой является республиканская история национального языка. В классическом виде она сформулирована Фердинандом Брюно в эпоху Третьей республики в его многотомной «Истории французского языка»⁴⁹. К проекту Брюно мы еще вернемся, а пока обозначим основные вехи большого пути.

В соответствии с канонической версией мифа о первоначале наиболее ранний из известных нам текстов на языке, который является предком современного французского, – это запись «Страсбургской клятвы», закрепившая раздел империи Карла Великого⁵⁰. 14 февраля 842 года она была зачитана перед армиями западнофранкского короля Карла II Лысого на старофранцузском, который хроникер называет романским (*lingua romana*), и на тевтонском (*lingua teudisca*), или рейнском, диалекте древневерхненемецкого перед войском восточнофранкского короля Людовика II Немецкого⁵¹. В этой сцене есть три важных элемента. Во-первых, феодальные армии двух королей, которые представляют «собравшийся народ» в смысле Руссо, так как именно армии обеспечивали легитимность правителей и те вынуждены были составлять текст клятвы или присяги на понятных их воинам языках, а не только на дипломатической латыни. Во-вторых, она отсылает к идее о «древних франкских свободах», которые стали одним из тех призраков прошлого, по Карлу Марксу, что преследовали коллективное воображение в момент Революции⁵². Наконец, эта сцена символизировала отделение Франции от Германии, которая играла роль Великого Другого для идеологов эпохи Третьей республики, когда были сформулированы основы республиканской идеологии⁵³.

Современные исследования показывают⁵⁴, что Французское королевство оставалось многоязычным на протяжении столетий и даже Королевская канцелярия длительное время колебалась, на каком языке вести делопроизводство: на латыни или на французском. Исследователь языковой ситуации в средневековой Франции Серж Лузиньян отмечает, что парижский вариант ланг д'ойль (*langued'oïl*) стал де-факто языком Королевской канцелярии около 1330 года⁵⁵.

⁴⁹ Ф. Брюно подготовил девять томов, подготовка еще четырех была завершена после его смерти. 2-е издание: *Brunot F. Histoire de la langue française*. Paris: Armand Colin, 1967. Vol. I–XIII.

⁵⁰ *Hagège C. Français, l'histoire d'un combat*. Paris: Michel Hagège, 1996. P. 18–22.

⁵¹ О возможном «созычии» в империи Карла Великого см.: *Balibar R. L'institution du français. Essai sur le colinguisme des Carolingiens à la République*. Paris: PUF, 1985.

⁵² В XVIII веке «франкские» часто были синонимом «германских», так как именно франки считались предками французской аристократии: *Calvié L. Liberté, libertés et liberté (s) germanique (s): une question franco-allemande, avant et après 1789 // Mots. Les langages du politique*. 1988. No. 9–33.

⁵³ Об отношении к немецкой культуре в Третьей республике см.: *Digeon C. La crise allemande de la pensée française*. Paris: PUF, 1992; *Hanna M. The Mobilization of Intellect. French Scholars and Writers During the Great War*. N.Y.: Harvard University Press, 1996.

⁵⁴ *Lusignan S. Le français médiéval perspectives historiques sur une langue plurielle // Lusignan S., Martineau F., Morin Y. C., Cohen P. L'introuvable unité du français: Contacts et variations linguistiques en Europe et en Amérique (XIIe – XVIIIe siècle)*. Québec: Presses Universitaires de Laval, 2011. P. 5–108.

⁵⁵ *Lusignan S. La langue des rois au Moyen Age. Le français en France et en Angleterre*. Paris: PUF, 2004. P. 147–153.

Как одно из последствий Нормандского завоевания он до XV века фактически остался языком двора и аристократии в Англии, но не на французском Большом юге, где языком аристократии были различные варианты ланг д'ок⁵⁶. Идея Родины поначалу не ассоциировалась с языком королевского двора и даже с самим Французским королевством: официальная католическая доктрина предполагала разделение на «собственную родину» (*patria sua* или *propria*) и «общую родину» (*patria communis*), причем под первой подразумевались город (*cité*) или провинция, а под общей родиной католиков – Рим⁵⁷. Однако уже в XV веке наметилась тенденция переносить понятие «общей родины» на Французское королевство⁵⁸. Она значительно усилилась в период Столетней войны, в процессе формирования абсолютизма во Франции и Англии⁵⁹ и особенно в условиях Религиозных войн XVI века.

В 1539 году король Франциск I издал свой знаменитый Ордонанс Виллер-Котре. Измотанный неудачными военными кампаниями и желавший укрепить светскую власть, французский самодержец объявляет, что единственным официальным языком королевства отныне является французский: «Мы повелеваем, что отныне все указы и прочие процедуры... были произнесены, записаны и представлены всем сторонам на родном французском языке и никак иначе (*en langage maternel francoys et non autrement*)»⁶⁰.

Ордонанс Виллер-Котре – документ не менее мифический, чем «Страсбургская клятва». Он нередко рассматривается как символическое начало постепенного «офранцузивания» многоязычных провинций и остается самым старым правовым документом, до сих пор имеющим частичную юридическую силу⁶¹. Непосредственно языка касаются всего две из 192 статей ордонанса – 110-я и 111-я, большая же его часть посвящена разделению полномочий между королевским правительством и церковными «клерками», выполнявшими административные функции. Современные историки чаще всего уделяют внимание развенчанию мифов, связанных с этим документом. Так, исследователь полиглоссии эпохи Ренессанса Пол Коэн утверждает, что его совершенно неоправданно рассматривают в качестве причины «уничтожения» или «угнетения» региональных языков, речь идет скорее о некоей общей тенденции, которая была в полной мере реализована только после падения Старого порядка⁶². Ордонанс был направлен скорее на исключение из правовой практики латыни, а не региональных языков, статус которых вообще никак в документе не оговаривался, область исключительного применения французского ограничивалась юриспруденцией, а сама политика правительства не была последовательной⁶³. Французское королевство при Франциске I оставалось многоязычным, сам король покровительствовал гуманистам и изучению древних языков, поэтому его символическое противопоставление Карлу V выглядит натянутым⁶⁴. Император Священной Римской империи, одержавший над Франциском победу в борьбе за европейскую гегемонию, владел

⁵⁶ Ibid. P. 197–218.

⁵⁷ Kantorowicz E. The King's Two Bodies. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 221.

⁵⁸ Тогда же появилась формула *patriam meam regnum Franciae* – «моей родине королевству Франции». Kantorowicz E. Op. cit. P. 222.

⁵⁹ Французский перестает быть языком английского парламента в 1488 году, хотя формула *Le Roy/Reyne veut* и ряд других выражений до сих пор сохраняются в королевских указах. О постепенном вытеснении французского из парламента Англии см.: Dodd G. The Rise of English, the Decline of French: Supplications to the English Crown, c. 1420–1450 // *Speculum*. 2011. Vol. 86. No. 1. P. 117–150.

⁶⁰ Цит по: Brunot F. Histoire de la langue française... Vol. 1. P. 29.

⁶¹ Ссылки на 111-ю статью ордонанса до сих пор встречаются в постановлениях высших судебных инстанций. Blanc A. La langue de la république est le français. Essai sur l'instrumentalisation juridique de la langue par l'État (1789–2013). Paris: Harmattan, 2013. P. 92–93.

⁶² Cohen P. L'imaginaire d'une langue nationale: l'État, les langues et l'invention du mythe de l'ordonnance de Villers-Cotterêts à l'époque moderne en France // *Histoire, Épistémologie, Langage*. 2003. No. 25-1. P. 19–69.

⁶³ Ibid. P. 44.

⁶⁴ Cohen P. Langues et pouvoirs politiques en France sous l'Ancien Régime: cinq anti-lieux de mémoire pour une contre-histoire de la langue française // Lusignan S., Martineau F., Morin Y. C., Cohen P. L'introuvable unité du français... P. 126–128.

многими языками своих разбросанных по континенту подданных и, согласно известнейшему историческому анекдоту, считал уместным говорить по-итальянски с женщинами, по-испански с Богом, по-французски с друзьями и по-немецки с врагами⁶⁵. В определенном смысле этот анекдот можно рассматривать как одну из первых попыток классификации функций языков в мультязычной среде, как сказали бы современные социолингвисты.

⁶⁵ Как всякий исторический анекдот, изречение встречается в разных вариантах. Здесь приводится вариант М. В. Ломоносова из «Предисловия» к «Российской грамматике».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.